18+

Симакова Анна

Человек без смысла

Анна Симакова

Человек без смысла

«Издательские решения»

Симакова А.

Человек без смысла / А. Симакова — «Издательские решения»,

Я научился кричать, не открывая рот. Крик, обладающий свойствами приватности и недоступности даже для самого искусного наблюдателя. Крик, не покидающий меня во время еды, беспорядочного секса и чистки зубов по утрам. Мне говорили, что я должен попить чаю и все пройдет. Но всякий раз, доставая из упаковки пакетик заварки, опуская его в кружку и выдавливая из него остатки, мне казалось, что выдавливаюсь я сам, как нежелательный прыщ на лице вселенной.

© Симакова А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 0 6
1 6
2 7
Глава 1 9
1 9
2 11
3 12
4 14
5 16
Глава 2 18
1 18
2 19
3 21
4 23
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Человек без смысла

Анна Симакова

© Анна Симакова, 2026

ISBN 978-5-0071-5429-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 0
Которая кишит зубными щетками и философствованиями

1

Не все должно начинаться с единицы. Бывают и нулевые главы. Я диагностировал в себе отчаяние в пятнадцать. Заглянул в Интернет и посмотрел, как называется состояние, когда ты смотришь на цветок и ждешь, когда у него отвалится последний лепесток. Три, два, один. Завял и поник. Нет больше цветка.

Горшки и саженцы появлялись в доме каждый день. В комнате была целая оранжерея и каждые пару месяцев похороны. На протяжении пяти лет мне сотни раз приходилось надевать черный.

На пятый год я уехал. И больше не покупал цветы.

2

Еще чуть-чуть, и конец. Кочую из бара в бар, параллельно думаю о том, у кого остаться на ночь. Тело, которое разбросало все свои части по гардеробным сомнительных заведений и не собирается за ними возвращаться. В каждом выпитом коктейле рюмка разговоров о политике, любви и больницах, в которых это неприкаянное тело копошилось со своим отчаянием. Послать бы его к чертям.

— Вы меня видите?

— Размечтался.

— Вы даже не думаете обо мне. Я сам не думаю о себе. И плевать. Эта книга — о не существующих противоречиях, о том, как обрести свободу и найти Создателя. Но вам плевать, вам нужен экшн, лишь единицы поймут меня. И если правда поймут, я буду счастлив. А если вы взяли эту книжку в подарок своей девушке в надежде на утреннее «потереться друг о друга», я тоже буду рад. Я даже буду рад, если вы назовете меня худшим автором всех времен.

Звук будильника — сцена из фильма ужасов. Мечта о том, чтобы никогда больше не проснуться, откладывается еще на сутки. Я медленно приоткрываю веки, тяжело вздыхаю и направляюсь в туалет. Все как в тумане. Вокруг непонятные розовые цвета, воняет алкоголем. Впрочем, трейлер никогда не выдает всей правды, не пугает зрителя до потери сознания, самый настоящий ужас начинается позже, когда на сцене появляется тюбик с зубной пастой. Самое сложное — поднести щетку к зубам, затем уж как по маслу. Открываешь кран с горячей водой. Направо, вот так, не запутайся. Подставляешь щетку под тюбик и выдавливаешь. Аккуратнее. Водишь вправо, влево, вниз, вверх. Зачем? «Чтобы зубы были здоровыми…» — доносится с кухни. Телевизор включается в одно и то же время, показывая одну и ту же программу, когда ты водишь щеткой вниз, вверх, а затем вправо и влево, а после снова вниз, вверх. Только, пожалуйста, не плачь. Куда ты падаешь?

Если ты сейчас окажешься посреди станции метро с разлившейся перед тобой бутылкой виски… ты даже не удивишься…

— Эй, не надо на меня так смотреть.

— Кто вы?

— Интересные истории не начинаются с будильника и сидения на унитазе.

— Что?

— Я только что разбил бутылку виски, ради которой пахал два месяца… я только хотел понюхать, вкусить этот сладостный аромат, как… чья-то жирная ручища толкнула меня. Я два чертовых месяца пахал, чтобы увидеть растекшуюся по ступенькам амброзию?

Минутное счастье останется шедевром по крайней мере до встречи со шваброй, да и люди через пару десятков лет будут стерты с лица земли, как что-то несущественное. С каких пор бутылка виски начала определять человеческую суть? Почему в головах людей, утыкающихся в чью-то мокрую от дождя куртку, больше не найти вечных вопросов? От этого ты не можешь почистить зубы, и всякий раз бросаешь щетку в раковину в надежде больше никогда ее там не обнаружить.

А вообще, почему эти треклятые зубы и зубные щетки так тревожат меня? Может, потому что у меня недавно выпал зуб? Несколько дней он мучил меня. Я просил всех вокруг вырвать его. Подходил к тетенькам и дяденькам с веревкой и словами: «Привяжите, пожалуйста, его к двери и дерните». Как только они начинали тянуться к телефонам, я сразу убегал. Раз десять бегал. Бегал и мечтал, как позади волочится веревка с прикрепленным к ней зубом. Вскоре он отвалился сам. Я выбросил его в угол ванной комнаты. Мышка, мышка, возьми старый зуб, дай мне новый.

Опять этот голос. Я медленно проваливаюсь куда-то.

Сладкий! Сладкий, сладкий, сладкий! Я долго наблюдал за тобой, как ты распивал алкоголь стопка за стопкой, затем приставал к каким-то людям на лестнице с дурацкими вопросами. Стандартная форма твоего времяпровождения. Каждый день ты выдаешь себе талон на выпивку, философствования и попытки объединиться с асфальтом. Споткнулся о бордюр. Пролетел меньше метра. Упал. Щека касается выступающих камней. Кожа у асфальта такая шероховатая, чувствуй же. Тебе плевать. Лежишь несколько минут, иногда машешь людям. В попытках достать сигареты из переднего кармана, переворачиваешься. Взгляни на небо — оно обретает иные черты, если смотреть на него сквозь дым. Ах да, ты не можешь видеть, только думать. Я устал и готов забить на тебя. Лежишь полумертвый, и даже понятия не имеешь о том, что существуешь. Ты такой умный, а сомневаешься, ищешь истину, которая находятся у тебя под носом. Мир не такой, каким ты его воображаешь, пытаясь конструировать логические цепочки. Сладкий, ты уходишь дальше и дальше.

Видимо, мои пинки не настолько сильные. Или ты стал упорнее сопротивляться? Ты видишь сны? Конечно, видишь. Хоть раз ты задумался над тем, что тебе снилось? Поразмыслил над тем, почему я прислал тебе именно эти события? Какое безобразие. Нет, просто свинство. Смешно наблюдать, как ты отчаянно пытаешься понять, в какую игру играешь. Не в понимании дело, дурак. Когда ты был маленьким и твоя голова не управляла тобой, ты искал правду. Потом тебе приспичило уподобиться взрослым, но я не виню тебя. Или виню? В любом случае я слишком люблю тебя и хочу, чтобы ты победил. Помнишь, как мы были единым целым? Мы общались… ты даже хотел врезать мне, но боялся ударить больно. Потом счел встречи со мной бессмысленной затеей. Они переманили тебя, эти взрослые стереотипы и страхи. Ты должен разгадать код, отключив при этом ум. Начни играть по-настоящему, или я покину тебя, и ты превратишься в машину. Начни, в конце концов, играть.

В тот день, когда от тебя остались лишь пара мокрых маек и блокнот с записями, тебе пришлось сделать невероятное усилие: выдавить слезу и разочароваться во всем. Ты по наивности думаешь, что у утренних пробуждений и прочих процедур не имеется никакой цели, что есть лишь беспорядочное сочетание вещей, которые превращаются в события, создавая иллюзию реальности. Но реально только твое тело, которое ты ощущаешь, к которому прикасаешься, гладишь, чтобы успокоить.

Я не знаю, как долго это может продолжаться. Кажется, жизнь угасает. День прожит, встанет ли солнце завтра?

Глава 1
В которой вы пытаетесь понять, кто я и зачем я

1

Солнце встает в пять тридцать утра и ровно через десять секунд моя рука задергивает штору. Живу один. Чтобы хоть как-то разнообразить рутину, встаю с кровати утром разными способами: могу кувырком, могу выкатом, могу задом. Снова какая-то рутина. Ну, хоть с изюминкой.

Вчера много говорил о щетках. Щетки я уважаю, несмотря на то, что ненавижу. Ненавижу потому, что не могу приручить. Душ могу. Я часто его целую, в левую щеку и в правую. При каждой встрече чмокаю.

Необходимо отгородиться от всего, что напоминает мне об этом мире — собрать вещи, распихать по коробкам и отпустить в увлекательное путешествие по городским свалкам. Вот, например, белая футболка, бежевые штаны и модные кроссовки. В них я частенько поджидаю своего друга, и мы едем громить супермаркеты. В его бардачке — специальная карта, на которой мы отмечаем места следующих сражений…

— Я не отношусь к этому как к чему-то, что может убить меня.

— К чему?

— К тому, что может убить меня, чего непонятного?

Он практически всегда начинал говорить внезапно, и до того несвязные вещи, что не всегда можно было нащупать смысл.

— Чего уставился на меня? К жизни. К жизни я так не отношусь. Только я могу убить себя, врезавшись в стенд с бутылками. Помнишь, я в тот раз чуть не откинулся. Ну и смешно же было. Ты стал расплетать мои косы, а я тебе кричал, чтобы ты не трогал их, потому что это единственное, что отличает меня от быдла, и мы не заметили, как тихо сбоку подкрался охранник и потащил нас в свой офис. Угар. Я и не знал, что у охранников бывают офисы.

Мой друг, приятель или как там называют парней, с которыми вы громите супермаркеты, был обычным парнем. Когда мы ездили на пляж, он кричал, что хочет сгореть, сгореть полностью, как курочка на сковородке покрыться красным, а затем черным. А по приезде домой лежал на кровати и не двигался, разрываясь от криков о том, как ему больно. Затем я поливал его тело белой жижей.

— Кефир внутривенно, пожалуйста. Или перорально.

— У тебя бред.

— Bread?

— Бред.

— Питт?

— Риверс рта, чувак.

Какой от этого толк — разогнаться посильнее, чтобы успеть проскочить между прилавками с булочками и консервами. Он воображал себе, что вся еда вокруг — живой организм. Соки, фрукты, консервы. Супермаркет — целая вселенная со своими законами и существами, живущими у касс. Единство, равенство, братство. Никакой взаимной вражды. И все эти одухотворенные вещи уважают посетителей, которые в них нуждаются, а не пытаются разрушить со словами: «Я — хаос, который бегает по лабиринтам и пытается растормошить все вокруг». Он повторял красивые слова античных авторов, смысла которых совсем не понимал. Пустые буквы складывались в пустые слова, а те образовывали пустые предложения, в каждом из которых

мой друг был одинок. В этой фальшивой активности он просыпался с незнакомыми девушками, чтобы только не чувствовать себя мертвым. Ночью секс, с утра супермаркет. Вот это я понимаю, человек обрел свой дзен.

2

Мое тело одержимо. Ужасной, допсихической одержимостью. Оно вдохновлено, проживает и участвует, оно — субъект и объект одновременно. Иногда я прыгаю от счастья, иногда рыдаю, иногда задаюсь вопросом: как же я не умер?

В детстве я читал кучу всякой дребедени, но иногда попадалась и русская классика. Меня забавляло то, что в каждой книге кто-нибудь обязательно умирал. Смерть в начале, смерть в середине, смерть в конце. Смерти были повсюду, а если их не было, обязательно умирал автор. Всегда кто-нибудь умирал, но смерть была скорее инструментом. С помощью нее можно было доставать самые невероятные идеи из своего сознания.

Поднявшаяся резко температура стала сигналом к тому, что эксперимент начался. Я встрепенулся, сразу же выкинул все жаропонижающие таблетки, закрыл двери на замок и стал ждать. Температура все поднималась, а я, умирающий, спускался ниже и ниже, к самым недрам моих необычных идей. Жалкие два часа и тридцать девять. Я радовался, но вместе с тем постоянно задавал себе один и тот же вопрос: я что, конченый? Страх усиливался в унисон с сердцебиением и мыслью: точно конченый, на всю голову. Должно быть, кровь уже начинала потихоньку сворачиваться. Когда я увидел отметку в сорок, я уже не двигался, мои кости переехала сотня громадных машин, голова болела, позывы к рвоте участились, но, черт возьми, ни одной идеи…

Идеи никак не приходили в голову, хоть прыгай голый в снег. Я стал расстраиваться, почти плакать, но плакать понарошку, потому что жидкости в организме не осталось. В конце концов я разозлился.

Неужели я позволю себе умереть такой глупой смертью? И позволю, черт возьми! Раз я не способен родить идею даже перед лицом смерти, я не способен вообще ни на что. Все бессмысленно, ведь жить стоит ради чего-то великого. «Ну и идиот, — подумал я, — идиот, идиотище».

Небо было серым и грязным.

Если на небе не разойдутся тучи, то жить тебе не стоит!

Я переложил ответственность на вселенную. Все в ее руках. До моей кончины оставалась буквально пара минут, а небо по-прежнему было серым. Меня охватил какой-то невообразимый порыв, и я вскочил на кровати. Но тут же замер… Все это время я смотрел на небо под одним ракурсом, а когда внезапно вскочил, мне открылась иная картина. Где-то вдалеке начиналась тонкая полоска красного цвета, которая отделяла серую часть неба от другой, яркой и красивой.

В эту же минуту я побежал рыться в мусорке и искать таблетки.

3

— Ты точно поехавший, ты мог сдохнуть!

— Да, но это неважно, важнее то, что…

— То, что теперь тебя можно однозначно считать поехавшим.

По моей внешности такое, конечно, заключить невозможно. Я — идеал для девушек моего возраста: худощавый с кудрявыми черными волосами и аккуратными чертами лица (кто вообще это придумал — аккуратные черты лица, банальность), в черных джинсах и вансах, давно вышедших из моды.

Каждый раз, когда мимо меня проходит какая-нибудь девушка, я знаю, что она обернется. Раньше я оборачивался одновременно с ними, а потом решил, что гораздо интереснее — не оправдывать ожиданий. Она ждет и надеется, смотрит мне в затылок несколько секунд, так вожделенно, так пламенно и так одновременно неловко, что спотыкается о бортик и расшибает голову.

Я не знаю, скольких увезли в больницу, я же не оборачивался.

Обычно после разгромов, мы с другом катаемся еще несколько часов, и он выкидывает меня на набережной. Там никогда никого нет, но в этот раз никого «да»: сидел какой-то парень и ковырялся в пальце своей ноги. Он посмотрел на меня, я посмотрел на него. По-том он снова взглянул на меня, а я взглянул на него. В конце концов, я решил подойти, потому что мне было интересно узнать о причинах ковыряния в пальце.

Рядом с ним лежали большой рюкзак, иконки и банки с кабачковой икрой. В руках он держал бинты. Кровь стекала на асфальт, огибая банки с кабачковой икрой, иконки и большой рюкзак.

— Кто тебя? — спросил я.

— Лошадь…

— Лошадь?

— Я всегда смотрю по сторонам, а в этот раз я не заметил большую повозку с лошадьми, выезжающую из-за угла. Одно из животных напрыгнуло на меня. Пострадал только палец.

— Везучий.

— Нет. Я знал, что так случится.

— Не понял.

— Нельзя играть в шахматы.

— Еще больше не понял.

— Я вдруг решил, что ты знаешь.

— О чем?

— У тебя ведь?

— Что?

— Да, точно. Ну, ты, вероятно, еще в самом начале.

Он отложил бинты и открыл рюкзак. Вытащил оттуда всякую дребедень. Среди дребедени оказалась шахматная фигурка, что тоже, впрочем, дребедень. Он положил ее передо мной и сказал:

— Черная ладья — фигура, которой ходишь ты.

— Почему не пешка?

— Хочешь ходить пешкой?

— Не особо.

— Правильно. Но лучше не ходить и ладьей.

— Не ходить куда?

— Белые фигуры — природа. Будешь продолжать играть, выдвигая черных, природа будет ударять по тебе в ответ. А природа бьет жестоко. Вот и по мне ударила. Я захотел легких денег, а получил кровоточащий палец.

— Ты маг?

— Я — автостопщик.

Его палец сильно защипало, и он отвернулся, чтобы продолжить перевязывать его. Параллельно говорил со мной:

— Я чувствую, тебе бывает плохо.

— Сколько тебе лет?

— Восемнадцать.

— Ты еще маленький.

— Понимаю, ты не веришь мне. Игра легкой не бывает. Все сначала сопротивляются.

— Так, ладно, я пошел. Ни разу не обернулся.

4

В комнате пусто. На улицах людно. Снаружи все напоминает Бал Сатаны. Люди высовываются из окон, оттуда же летят цветы, телевизоры, посуда и прочее совместно нажитое, кто-то с кем-то спорит, кто-то целуется, кто-то бегает от полиции, а я в полнолуние превращаюсь в романтика и уличного философа. Может, пора перестать искать истину и пойти выпить вина? Табуретка на стул. Я на табуретку. Моя рука тянется к верхней полке, чтобы вытащить остатки полусладкого. Через несколько минут по чашкам будет разлит алкоголь, а на ковре появятся пятна от пепла. Вокруг меня будет много тел, курящих и разбрасывающих болтовню направо и налево. Тело№1 станет заигрывать с Телом№2. Тело№3 подольет водки Телу№4. Тело№5 сфоткает для социальных сетей Тело№6. Без душ это просто машины, пичкающие друг друга фигней.

Мое тело все больше похоже на автоматическую коробку передач, элементы которой все решают за триста пятьдесят миллисекунд до принятия решения. Если следовать этой логике, то, освобождая себя от ответственности, я могу заявить, что нейроны виноваты в прожигании моей жизни. Нейроны ставят чайник, они же предписывают грустить по утрам, и они же не позволяют жизненной силе пробраться в мой организм и заставить что-то делать.

Соберу свое тело и пойду в чужую квартиру, принадлежность которой так и останется неопределенной. Я перестану искать самого себя, вдруг осознав, что мои поиски ни к чему не приведут.

Так было в тот день, когда мне исполнилось пятнадцать. Ровно пять лет назад.

Настоящая детская травма — проснуться на школьном уроке и обнаружить всех вокруг мертвыми. Не так категорично, конечно.

Мертвые люди обладают следующими характеристиками:

— Они боятся слова «судьба», хотя живут в предопределенности, думая при этом, что их слово имеет вес и именно они делают выбор;

— Ходят куда-то не потому, что хотят, а потому что нужно;

— Смотрят передачи, которые захламляют мозги;

— Запоминают информацию от посторонних и без проверки выдают за свою;

— Наконец, они выглядят, как одушевленные гробики с двумя ножками и ручками, в которых хранится всякая дичь.

Тогда я посмотрел на них и вдруг проснулся. Я начал слышать звуки, которые только теперь стали звуками, видеть предметы, которые только теперь стали предметами и ощущать эту комнату как одно целое. Но я просто видел их, совсем не осознавая, каким образом они относятся ко мне, к моему «я», которого, быть может, и не существует. Конечно, эйфория меня поглотила, но только поначалу. Я почувствовал себя живым человеком, который понимает, что он сидит именно здесь.

Я шел домой в полнейшем воодушевлении, что я не такой как все, что я другой. А уже дома уселся к батарее и уткнулся в колени. Ложь. Я такой же. Я просто понял, что мертвый, но живым от этого не стал.

Мне приходилось приводить кучу аргументов, конструировать цепочки невероятных объяснений своего ухудшающегося самочувствия, бегать по коридорам и разбивать тарелки на виду у всех. Все думали, что это издержки переходного возраста. Он просто очень часто плачет и каждую минуту хочет себя задушить. Ничего серьезного. Через несколько месяцев я нырнул в себя окончательно и до сих пор не всплыл.

По пути на вечеринку меня чуть не пришиб пылесос. Он разлетелся на куски в двух метрах от моей головы, а сверху послышался смех. Дело рук моего приятеля.

— Эй, ты видел? Классно?

— Классно. Чей он?

— Что?

— Чей он?

— Чувак, я не слышу тебя, поднимайся давай.

Раз ступенька, два ступенька, три ступенька. Замок щелкает, и я вижу своего друга, выходящего из комнаты с бутылкой пива.

— Ни слова.

— О чем?

Минута молчания, и…

— Там на кухне сидит обалденная девушка… секси… я бы сам подошел, но с утра я хапнул кое-что, и у меня там все, понимаешь, приуныло.

— У меня нет настроения общаться с кем-то сегодня.

— Заткнись и поверь мне.

И я поверил ему, и подошел к столу, возле которого с кем-то из Тел сидела протеже приятеля. Потоки ее голоса достигали ослепшего от жизни парня, но отскакивая от его бездушной оболочки, возвращались обратно.

Тела, чьи мысли были не загрязнены стереотипами, страхами и переживаниями, тела, в которых присутствовала хоть капля самосознания, а не простого самоузнавания себя в зеркале, имели имена. Наверняка и у нее было имя и мне казалось, что ее обязательно зовут Ева.

Я стоял к ним спиной. На моей спине были глаза. Мне виделось и чувствовалось, что она расслаблена, а вот машина, сидящая напротив нее, наоборот напряжена, поскольку сомневается, что этой ночью ее самолюбие не будет удовлетворено. Все ближе и ближе Тело подсаживалось к ней, совершенно не слушая, о чем она говорила.

А говорила она и правда о чем-то странном:

— Понимаешь, органы внутри меня дерутся и плюются друг в друга. Ничего постоянного, никакой стабильности. Разрушение и созидание составляют единый цикл, выходят друг из друга и собираются в одно. Надо мной смеется безумие.

— Какое безумие, детка?

— Мы не друзья и не враги, но я не позволю ему распоряжаться такой роскошью. Это великий баланс. Добра и зла не существует, есть лишь пути, в соответствии с которыми ты двигаешься либо наверх, либо вниз.

— Я не понимаю, милая, может, уйдем?

Но они остались, а ушел я. Какое безумие, детка? Что разрушится, детка? Она разбиралась и собиралась каждый день, когда он разбирал и собирал детальки своей игровой приставки, а я разбирал и собирал весь хлам в своей квартире, что так или иначе напоминал мне обо всех этих случайных и напрасных встречах, в результате которых я не помнил ничьих лиц.

Эта игра не делает нас ни слабее, ни сильнее, но лишь пока. Потом рано или поздно кто-нибудь захочет прекратить игру. И в этот момент все разрушится.

Что разрушится, детка?

5

По ночам плакал. С приступами грусти настигало чувство вины. Такой брутальный персонаж, и так часто плачет — это неправдоподобно. Правдоподобно, неправдоподобно — неважно. Я дал себе слово, что буду рассказывать только правду. Ловите первое суждение: «В мире нет противоречий». Ловите сразу второе, логически вытекающее из первого: «Нет противоречия в том, что ночью я заливал слезами соседей, а днем собирал на себе взгляды самых популярных девушек».

Можно думать о смерти и ставить чайник. Можно думать о жизни, пытаясь проглотить последнюю пачку таблеток. А можно удивляться тому, каким образом ты умудрился разложить все вещи по коробкам за пару часов.

Сил хватило на одну коробку. Взял, понес на свалку. На пути резко бросил ее в сторону, подбежал к мальчику на самокате, попросил прокатиться. Нет, просто резко вырвал самокат из его рук и уехал. Потом извинялся, мальчик оказался не злопамятный.

Плохая была идея — собрать все вещи. Я сижу на подоконнике, наблюдая за квартирой, и теряю ощущение того, что она моя. Я не имею ни малейшей причастности к этим голым стенам и коробкам, внутри которых прошлое человека, не желающего быть собой. Зачем моим глазам видеть все это, и то, как мое тело изо дня в день копошится в этой квартире, делая невесть что? Почему Создатель не отдал их человеку, который, может быть, всю жизнь мечтал увидеть дерьмовую жизнь во всей ее красе?

Есть ли Создатель?

Пауки плетут паутину за шестьдесят минут. Я разочаровываюсь в себе за десять. Птицееды живут двадцать лет. Я не живу вовсе. У пауков не бывает отчаяния. Они обошли меня и здесь, коварные существа, ни капли сострадания к тем, кто слабее их. Не люблю произносить это слово — отчаяние. Но приходится. Некоторые люди ощущают себя в мире, они в нем находятся. А я просто переношу коробки в вонючее место, думая когда-нибудь обрести среди этих развалин счастье.

Сейчас это предел мечтаний. Я не смог бы умереть, даже если бы захотел. Всегда найдется человек, который меня спасет. Такова моя участь, участь человека, обрекающего весь мир иметь темнозеленоватые блевотские оттенки, если, конечно, сознание определяет бытие.

Бытие определяет сознание лишь в детстве, и это бытие сыграло со мной в карты на раздевание, оставив мерзнуть на полу детской. Этот ребенок всегда старался исчезнуть, притвориться невидимым, когда его самому близкому человеку причиняли боль. Каждый раз ребенок надевал невидимое снаряжение, брал в руки копья и спешил осуществить миссию спасения. Не получалось. Жертва укладывала его обратно в постель, целовала в лоб. Однажды этот ребенок проснулся от крика, доносившегося из соседней комнаты. Его звали по имени. Прежде его никогда не звали на помощь, а в эту ночь он почувствовал, что обязан победить злого монстра. Он взял все, что у него было, за несколько секунд продумал план атаки, и стал было подходить к комнате, чтобы ворваться внутрь и победить, как вдруг остановился. Его охватила дрожь, доспехи испарились, и он не мог сделать шаг. Такой простой и одновременно самый невыносимый шаг в его жизни. Он подумал о себе. Ему стало казаться, что, если он откроет дверь и увидит то, что происходит за ней, он умрет, не двинувшись с места. Я трус, я трус, я трус, говорил он себе, медленно отступая.

Прекрасная принцесса продолжала звать его на помощь, а он сидел на кровати, слушая ее крики. Через несколько минут наступила тишина и этот момент означал действительную смерть, свершившуюся в душе мальчика.

Больше он никогда не доставал меч и не защищался. Отныне все колющие удары он наносил сам себе. Он не боялся перейти реку, даже не умея плавать. А когда ему случилось тонуть

по собственной ошибке или когда его балбес-друг топил его, потому что тоже не умел плавать, единственное, о чем он думал, находясь под водой, — о том, что вовсе не хочет спастись и не хочет, чтобы его спасали, потому что его привлекает возможность смерти. Ему было интересно, что случится дальше, потому что, только оказавшись один на один с самим собой и ощутив близость конца, он по-настоящему мог ощутить счастье, которое длилось недолго.

Дыхание рот в рот, и ты обнаруживаешь свое тело на берегу, вновь разъединяешься со своей личностью и начинаешь придумывать план следующего захвата. Перспектива стать мишенью для собственных пуль в детстве доставляла радости больше, чем фруктовый лед.

Отсидев попу на подоконнике и очнувшись от воспоминаний, я вновь возвращаюсь в это пустое место, в котором ничего больше не говорит обо мне самом. Мое тело падает на пол в одежде и закрывает глаза, повторяя про себя молитву: однажды мой инстинкт самосохранения уснет вечным сном, а за ним и я сам упаду в беспросветную темноту. Аминь.

Глава 2
В которой я умел кричать, не открывая рот

1

Давно не упоминались гробы. Чтобы отдать дань уважения гробам, расскажу один случай. Главным интересом парней моего возраста можно назвать тест-драйвы. Они приходят в дорогие салоны, садятся в дорогие машины и едут кататься, мечтая о богатой жизни. Однажды я случайно зашел в ритуальное агентство, потому что на улице начался гром. Гулял внутри минут двадцать и вдруг спросил у продавца:

— А вы устраиваете тест-драйвы? Он улыбнулся:

— Конечно!

— Можно в какой угодно?

— Да, пожалуйста.

Я подумал, что было бы очень классно, если бы он сфотографировал это и отправил мне. Говорят, если повесить на стену карту желаний, мечты исполнятся.

Каждому необходимо однажды упасть на дно, чтобы затем всплыть. Так легче отталкиваться, так проще понимать, что дальше некуда. На небольшой глубине ты думаешь — и так сойдет. Опускаешься на несколько уровней ниже — уже тяжело дышать, но ничего не делаешь. Еще чуть-чуть, и начинаешь паниковать, кричишь и зовешь на помощь, но вокруг тебя никого. А дальше… Дальше ничего, совсем ничего. Это состояние такое, когда ты не чувствуешь ничего и вокруг тебя ничего, и ничего не можешь с этим сделать. «Ничего» звучит нейтрально, но на деле «ничего» означает, что тебе настолько плохо, что это просто ничем и не выразишь. Поздравляю, ты нашел свое дно и у тебя есть пару минут на раздумье.

Черт, я же рассказываю, я же пытаюсь… донести суть. Прямо сейчас я почему-то вообразил себе человека средних лет в сандалиях. Знаете эти паршивые сандалии? Само слово «сандалии» внушает страх и опасения, не то, что их вид. Вид этих сандалий вызывает только рвоту.

Так вот…

Умереть или оттолкнуться? И хотя ты не знаешь, как ты поплывешь, с какой скоростью, ты уже не помнишь, что тебя ждет наверху, у тебя нет никаких средств для того, чтобы плыть, тебе все же есть от чего отталкиваться. Когда мы всплываем, мы ощущаем эйфорию, освобождение, мы снова научились чувствовать, любить, видеть красоту и испытывать счастье. Мы находим душу. Тела, однажды побывавшие на дне и нашедшие себя, навсегда остаются благодарны самым ужасным событиям своей жизни за то, что они научили их чему-то важному, чему-то прекрасному, за то, что они подтолкнули их к освобождению.

2

Все они лгали, когда говорили мне слова поддержки, но их ложь была сладкой, как ложка сгущенки. Они брали банки этого вкусного чуда и опрокидывали на мою голову в знак понимания того, что я чувствую. Они думали, я решаю примеры по математике дома перед телевизором и смеюсь как бешеный от тупых шуток, разворачивающихся на телеэкране, даже не предполагая, что телевизора в моем доме никогда не было, а моими единственными примерами были Курт Кобейн, Маяковский, Есенин.

Я научился кричать, не открывая рот.

Непрекращающийся крик, обладающий свойствами приватности и недоступности даже для самого искусного наблюдателя. Крик, не покидающий меня во время еды, беспорядочного секса и чистки зубов по утрам. Крик, подталкивающий меня по ночам выбрасывать подушки из окна своей комнаты в надежде, что они упадут на людей и заставят их осознать все свое притворство.

— Вы не умеете радоваться жизни, вы не знаете, кто вы, — кричал я из окна. Потом занавес снова опускался, и я вновь оказывался в темной башне, только спать теперь было не на чем.

Так было всегда. Я приходил домой после учебы, садился к батарее и думал. Затем меня резко охватывали приступы паники, я бился головой об стену, но продолжал думать. Мысли проникали во все отделы моей черепной коробки, не оставляя места для радости. С утра до вечера я сидел на полу либо своей комнаты, либо школьного коридора, когда убегал с уроков. Изредка хватало смелости постучаться в кабинет психолога, но именно в эти моменты чудесного врача, ассоциируемого с призрачным лучом надежды, не было на месте.

Сейчас я умру, мне так плохо, сейчас я умру.

Разве никто этого не замечает?

Замечали. Эти сказочники твердили мне, что я должен попить чаю и все пройдет. Но всякий раз, доставая из упаковки пакетик завар-ки, опуская его в кружку и выдавливая из него остатки, мне казалось, что выдавливаюсь я сам, как нежелательный прыщ на лице вселенной. В отражении чая я не видел ничего, ни себя в настоящем, ни себя в будущем. Моя мнимая заинтересованность этими конфигурациями воспоминаний лишала меня мира, который я так отчаянно пытался отыскать.

Пора заканчивать с философствованиями. Расслабляюсь в кровати, вижу перед собой разные картинки: пикантные и не очень. Раньше комиксы рисовали, что на… Я, кстати, ел сегодня макароны, а потом вспомнил, что мне их нельзя. Вы тоже иногда прерываете половой акт на середине, а потом сидите и грустите?

Я полетел, полетел, полетел. Как птичка. Птички летают над океаном, а потом спускаются все ниже, ниже, ниже…

Сладкий, это снова я. Я ненадолго, только скажу пару слов. Засыпать на полу — счастье, когда тебе негде жить. В других случаях — несчастье. В твоем случае — отчаяние. Ты выглядишь красиво, возле тебя бутылка вина, рядом с ней горшок с цветком, который принесли тебе на прошлой неделе, а в горшке бычки и всякий мусор. Ты спишь так сладко. Ты послал того парня, который рассказывал тебе про шахматы, не решился заговорить с… Евой? Вчера ты танцевал, сидел на подоконнике и кричал, что тебе нужно разобраться, нужно вырваться из этой темноты, которая засасывает тебя. Ты хочешь света, однако же всякий раз закрываешь шторы.

Ты вроде умный, но как же долго до тебя доходит. А ведь ты все-таки интересный персонаж. Вот тебе сон. Перед тобой огромное, сырое, грязное здание. Двенадцать работников охраняют это здание днем и ночью, и ты в их числе. Вам известны все коды от всех дверей на

любом этаже. Но вы никогда не заходите в эти комнаты и не знаете, что в каждой из них. Тем не менее, вам любопытно. Ваша жизнь — передвижение по мрачным и холодным коридорам. Жизнь вне здания — загадка. И тут откуда ни возьмись появляется тринадцатый человек. Один ты чувствуешь, что этот человек — зло, твои коллеги не замечают перемены, они считают, этот работник всегда был одним из вас. Его намерения кажутся тебе нехорошими: он хочет узнать все коды и совершить что-то ужасное с тем, что хранится в комнатах. Твои коллеги смело набирают при нем все комбинации, а ты раздражаешься все сильнее и сильнее, потому что этот странный человек добивается своей цели, а другие ничего не замечают. Так он постепенно оказывается наверху и, наконец, выходит на крышу. Через несколько минут гремит взрыв

3

Помимо тусовок и прочего случаются времена, когда во мне просыпается желание совершить что-то безумное, и тогда я выношу из дома не только вещи, но и самого себя. В такие дни я обычно просыпаюсь утром после очередного странного сна и избавив себя от его толкования, бегу в душ и понимаю — сегодня день Х.

— Скорее всего, у вас циклотимия, — говорил врач в городской больнице.

— Может быть, это биполярное расстройство, только если у вас было больше трех эпизодов. Так сколько было?

— Еще одно дурацкое слово для описания ненастоящих болезней, — сообщала Анна, оплачивая кучу бургеров в кассе магазина.

День восхитительный, и это редкость. В такие дни я обычно жалею, что вынес всю квартиру на помойку и бегу возвращать некоторые вещи обратно. После я звоню Анне. Она берет трубку, и мы попадаем в другую реальность. Это похоже на клип, в котором разворачиваются два события, скрепленные проводами. Информация кодируется: Анна надевает черные кюлоты, вешает на них цепи и заводит машину.

Вот что достаточно знать про эту девятнадцатилетнюю женщину. Она — мое успокоительное. Она достаточно женственна, когда нужно, достаточно заботлива, когда нужно. А нужно — всегда. Такой светлый человечек, который еще не попадал в неприятности жизни. Я бы сказал, что Анна — это оборотная сторона нашей андрогинной медали. У нее каштановые волосы, кольца на всех пальцах, движения то плавные, то резкие. Мне нравится, как она, подъезжая к моему дому, высовывается из окна и снимает очки. В магазинах она часто крутится вокруг меня, пытаясь расшевелить. Это все, больше знать нельзя. Узнавая кого-то до конца, обрекаешь себя на верную гибель.

— Ты какой будешь? Этот веганский, а этот обычный, но веганский гораздо вкуснее и не такой тяжелый.

— Давай его, — отвечаю я и смотрю на нее с улыбкой, натянутой до ушей.

— Что за черт? Все заляпано. Чего смотришь? Ешь, закончится же.

— У тебя с собой?

— Что?

— Так ты принесла?

— Не пали. Я же все-таки на медика учусь. Мы будем давать клятву.

Анна никогда не казалась мне просто телом, поэтому я называл ее по имени. Ей подходит ее имя, иногда мне кажется, что именно такие люди, внешне кажущиеся беззаботными, способны прыгнуть под поезд. Но Анна, даже если и прыгнула бы, полежала бы чуть-чуть и пошла бы домой, как ни в чем не бывало.

— А что именно принесла?

— Ты достал. Не становись похожим на сам знаешь кого, я знаю, ради чего ты это делаешь.

— Ради чего же?

— Эта штука может указать пути, если все пойдет по плану.

Несколько десятков километров едем в сторону побережья. Я высовываюсь сначала из окна, потом прошу ее откинуть крышу, пока она рассказывает моему торсу о том, какие же парни хитрые.

Она дергает меня за штаны и говорит:

— В этом есть смысл, послушай же.

Я спускаюсь, поправляя футболку.

— Весь во внимании!

— Парни такие хитрые. Только не подумай, что это банальное утверждение. Я сейчас скажу кое-что совсем не банальное. Парни хитрые потому, что, желая затащить девушку в постель, говорят, что они вовсе не такие, какими кажутся. Не такие мерзкие и противные? Ха. На самом деле мы — это все наши маски, которые мы надеваем на себя, нет истинного ни внутри ни снаружи, понимаешь?

— Я не пытаюсь затащить тебя в постель, хотя с утверждением согласен.

— Да я не про тебя, ты для меня — существо бесполое.

— Благодарю…

— Не в том смысле, просто друзья для меня сами по себе… то есть я не вешаю на них ярлыки, они для меня просто близкие люди.

— «Близкие люди» тоже ярлык.

— Не вредничай. А про маски… вот ты, например.

— А что я?

— Я тебе как человек, не нужна.

— А как кто?

— «Алло, Анна?» — фраза, которую я слышу только, когда тебе что-то нужно от меня. Я — тот человек, который привозит тебе какие-то приколюхи и у которого есть тачка. Если бы мы не улетали возле побережья всякий раз, когда у тебя приступы счастья, ты бы даже и не думал обо мне.

— Может и так, дорогая.

— Конечно, так. Ты даже начинаешь называть меня дорогой или замечательной, или каким-нибудь говнистым уменьшительно-ласкательным, потому что находишь мне применение на вечер.

— Вовсе нет, я называю тебя дорогая, чтобы ты отвлеклась.

— Все люди преображаются, когда вступают с тобой в определенные отношения, особенно если тебя зовут Анна, и ты тот человек, у которого с собой в бардачке всегда… Таков наш век потребления, век людей — статусных знаков, который уничтожает в нас все человеческое.

Анна резко притормаживает, смотрит в окно и говорит:

— Я не собираюсь загоняться, ты не подумай. Я буду петь песни.

Она без нижнего белья и в легком топе, который обнажает ее ключицы. Все люди — статусные знаки, как она сказала, и я мог бы показать ей, что я не являюсь набором символов, но в тот момент я не хотел отрицать собственную сущность, тем более, что ее интеллект сразу бы сопоставил все факты и вывел меня на чистую воду. Строить прекрасный дом на фундаменте из дерьма — не моя история. Со временем, он все равно развалится, а ее тонкие ключицы будут перед моим взором еще целых двадцать четыре часа. Было бы глупо не поддаться своей собственной «автоматической» сущности в моменты моего редкого счастья.

Она выбегает из тачки и начинает плавно двигаться, просит меня включить погромче музыку.

— Какая прекрасная погода, ощущаешь? Просто открой эту чертову дверь и иди ко мне.

4

Марку под язык. Страстный поцелуй. Затем слезы. Быть в отчаянии — нелегко. Зачем же все вокруг его переоценивают?

Счастье бывает настоящим подарком, особенно, когда знаешь, что его тройная доза через пять минут побежит по твоим венам, подключатся все нейромедиаторы и теперь не только на земле, но и в голове начнется Бал Сатаны. В эти минуты я считаю свое сознание настоящей находкой, невероятной удачей, которая подсказывает мне, где спрятан ключ от сейфа, к которому люди не находят доступа десятками лет.

— Стой, а палатку собрать?

Я разворачиваюсь обратно и начинаю доставать палки из багажника, как вдруг останавливаюсь:

— А что, если это мой последний шанс?

— Наверное.

Тем не менее я был настроен серьезно, возможно, даже серьезнее, чем в тот раз, когда я составлял список вопросов, которые намеревался изучить под «скоростью». Тогда ничего не вышло, но в этот раз залив казался особенно красивым. Сегодня я должен был получить ответы.

— Хочешь совет? Можешь отнестись к этому как к эксперименту.

Тогда эксперимент начинается прямо сейчас. Ах да, чуть не забыл ввести в курс дела. Есть разные приколюхи: открывая одни, получаешь целые миры из игрушечных фигурок, открывая другие, не получаешь ничего, только испорченный шоколад. Первые дают тебе истинное знание, вторые просто убивают время. Если и жертвовать чем-то, то ради чего-то стоящего, а для этого нужна хорошая интуиция. Моей интуицией была Анна.

В эти моменты следует помнить одно. Когда будешь выстраивать из попавшихся фигурок целые миры, нельзя заходить слишком далеко, можно привыкнуть и попасть на тот уровень сознания, где почувствуешь себя внутри клетки и посмотришь на мир из бесконечно малой величины. Начнешь видеть, а розовые очки, которые являются любимым аксессуаром большинства людей, тебе больше не понадобятся. Многие знаменитости делали это для того, чтобы понять, на верном ли они пути и, когда реальность открывалась им во всей своей сути, им приходилось платить возможностью спокойного и даже счастливого беззаботного существования, с чем не все могли смириться.

— А если у тебя не получится найти ответы в этот раз, что ты будешь делать?

— Я не знаю.

Палатке не хватало воздуха так же, как и моим легким. Если бы мне пришлось всю жизнь прожить в палатке или, что еще ужасней, в пифосе, оправданий моему отчаянию стало бы в разы больше. Через несколько минут все внутри начало расширяться, а потолок устремился далеко вверх. Я посмотрел на свою спутницу, которая сидела и молчала, уткнувшись в телефон.

— Непривычно.

Она кинула мне пару носков, на одном из которых был нарисован фламинго в очках от Gucci. Никогда прежде мне не приходилось пересекаться с Фламинго, но образ Фламинго в моей голове, полученный от принта на носках, наверняка, был бы одним и тем же в случае, если бы я видел его вживую. Но если эта картинка в наших головах и правда была одной и той же, то стремление людей к потребительству было бы значительно ниже, значит, к картинке присоединяется еще кое-что, но что?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.